

ФЕДОР ГАЙДА\*

## ВРЕМЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ\*\*

АЛЬТЕРНАТИВЫ ИДЕЙНОЙ

ТРАНСФОРМАЦИИ НАРОДНИЧЕСТВА В 1880-Е ГГ.

Получено: 26.02.2023. Рецензировано: 30.07.2023. Принято: 07.08.2023.

**Аннотация:** В статье рассматривается вопрос о направлениях идейной трансформации народничества в период его острого кризиса в 1880-е гг. Автор исходит из того, что гипертрофированное отношение народников к идее личной ответственности было осознано ими как тупиковое и потребовало радикального пересмотра. Исследование опирается на публицистику и источники личного происхождения, связанные с народнической средой. Автор приходит к выводу о наличии целого ряда разноплановых последствий происшедшей рефлексии. Г. И. Успенский полностью пересмотрел базовое народническое представление о взаимоотношениях народа и образованного общества. Новая концепция «настоящей интеллигенции», сформулированная в рамках «теории малых дел», переносила объект ответственности с народа на самого себя и в перспективе создавала почву для широкой общенародной социальной активности. Принципиальный отказ от персональной ответственности (Н. М. Минский) создавал идейные условия для развития нового искусства периода Серебряного века. В политической сфере появилась возможность для синтеза социалистического принципа справедливости и либерального принципа личных прав (Д. И. Шаховской), благодаря чему началось складывание идеологии кадетской партии (конституционализм, социальный либерализм). Однако объектом ответственности вместо народа могла стать не только личность, но и класс (воспринимаемый как лучшая часть народа) или государство (как выражение единства народа). Автор статьи приходит к выводу, что таким образом происходила эволюция таких народников, как Г. В. Плеханов и Л. А. Тихомиров. По мнению исследователя, в ходе переоценки ценностей народничества в 1880-е гг. родился целый ряд значимых для начала XX в. явлений культурной и политической жизни России.

**Ключевые слова:** народничество, Г. И. Успенский, Н. М. Минский, Приютинское братство, кн. Д. И. Шаховской, Г. В. Плеханов, Л. А. Тихомиров.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-36-49.

\*Гайда Федор Александрович, д. и. н., доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва); ведущий научный сотрудник, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва), fyodorgayda@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9586-8010.

\*\* © Гайда, Ф. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

«Тихие» восьмидесятые годы XIX столетия для общественного движения России стали временем переоценки тех ценностей, на которых выросло прежнее поколение. В первую очередь это касалось народничества — наиболее широкого и влиятельного направления той эпохи. Кризис народничества в 1880-е гг. был очевиден, и он неоднократно описан в историографии (Балуев, 1995; Зверев, 1997; Мокшин, 2005). Однако ученые не обращали особого внимания на широту того спектра, который возникал в связи с поисками новых путей самореализации.

#### НОВАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД СОБОЙ

Народничество 70-х гг. XIX в. было основано на гипертрофированной идее персональной ответственности. Политический кризис рубежа 1870–80-х гг., кульминацией которого стали события 1 марта 1881 г., обернулся кризисом народнической идеологии. Старые методы активности и борьбы (заговор, хождение в народ, террор) один за другим дискредитировали себя. Восьмидесятые годы стали временем ревизии самой идеи социальной ответственности. У истоков этой ревизии стоял известный народнический публицист Г. И. Успенский. В сентябре 1881 г. он уехал в деревню для наблюдения за крестьянской жизнью. Успенский не собирался ни вести агитацию, ни учиться у народа, его задачей было исследование народного быта и характера. В результате в 1882–1883 гг. он опубликовал несколько сборников статей, в которых намечался новый путь самореализации для участников общественного движения.

Во «Власти земли» (1882) Успенский, в частности, писал:

Принимая от земли, от природы указания для своей нравственности, человек, то есть крестьянин-земледелец, вносил волей-неволей в людскую жизнь слишком много тенденций дремучего леса, слишком много наивного лесного зверства, слишком много наивной волчьей жадности. Мужик, который убил жену, потому что она «мешает» в хозяйстве, слаба, не работяща, ленива и, может быть, зла, — согласно лесной морали, был прав и, согласно ей, не чувствовал себя виновным; но чем же виновата убитая, что она слаба, больна, нравственно несчастна и т. д.? Вот эту, не зоологическую, не лесную, а божескую правду и вносила в народную среду народная интеллигенция. Она поднимала слабого, беспомощно брошенного бессердечною природой на произвол судьбы (Успенский, 1956b: 125).

Публицист прямо сравнивал такое поведение с христианской святостью:

Ее (народной интеллигенции. — *Ф. Г.*) был тип Божия угодника. Но это не тот угодник, который, угождая Богу, заберется в дебрь или взлезет

на столб и стоит на нем тридцать лет. Нет, наш народный угодник хоть и отказывается от мирских забот, но живет только для мира. [...] Дела такого угодного Богу и народу человека как нельзя лучше подходили к общим условиям земледельческого быта. [...] Итак, в русской народной массе всегда был интеллигентный человек. Он, вооруженный христианской идеей, шел безбоязненно в массу народа, которая жила звериным обычаем (Успенский, 1956b: 126, 170).

Успенский (внук сельского дьячка) особо настаивал: речь шла именно о секулярном, социальном понимании правды, которая всегда сопрягалась с конкретной, бытовой, сельскохозяйственной пользой. Христианство в данном случае выступало не как религия Откровения, а как идеология социальной справедливости.

При этом Успенский приходил к выводу, что «народная интеллигенция» практически иссякла (там же: 37). Поэтому он поставил задачу появления «настоящей интеллигенции» в среде как народной, так и общественной:

Опыт осчастливить Русскую Землю помощью людей, хотя и называющихся общественными деятелями, но не имеющих понятия о том, что общественная деятельность может выражаться только в заботах об общем благе, — опыт этот, как теперь всякому известно, был сделан в грандиознейших размерах и, как тоже известно, привел к весьма неблагоприятным результатам. Ведь не об общем же благе заботились люди, расхищая... общественное народное достояние и богатство? [...] Вот этой-то интеллигенции... воистину пора выходить из моды и дать дорогу — не скажу уже готовой, «настоящей» интеллигенции, а хотя тем вопросам общественного блага, которые могут образовать эту настоящую интеллигенцию (Успенский, 1956a: 422–423).

Для Успенского на первый план выходил не уровень образования этих сил, а их идейный уровень. Вновь он использовал христианские метафоры:

Интеллигенция среди всяких положений, званий и состояний исполняет всегда одну и ту же задачу. Она всегда — свет, и только то, что светит, или тот, кто светит, и будет исполнять интеллигентное дело, интеллигентную задачу. В поле — светят сучья хвороста, в избе — лучина, в богатом доме — лампа. Но везде разными способами задача исполняется одна и та же: во тьму вносится свет... (Успенский, 1956с: 237)

В целом Успенский радикально пересматривал утвердившееся в пореформенной России понятие «интеллигенция» (Гайда, 2020: 229–248). Если другой народнический публицист И. И. Каблиц (И. Юзов) в 1882 г.

отказывал ей в праве указывать народу по причине полного незнания его жизни (Юзов [Каблиц], 1882: 265–266, 279–281), то Успенский эту причину как бы упразднял. Эта мысль в 1885–1886 гг. была подхвачена его соратником Н. Н. Златовратским (Златовратский, 1972: 119–120). Н. К. Михайловский в 1889 г. отмечал новизну мысли Успенского (Михайловский, 1989: 338).

Таким образом, в публицистике Г. И. Успенского уже с 1882 г. наметился отказ от героической концепции спасения народа образованным меньшинством. Образованный человек освобождался от призвания «идти в народ», спасти его и бороться. Ответственность за народ возлагалась на сам народ. Отказавшись от геройства и внешней ответственности, образованный человек оставался наедине с собой. «Теория малых дел» выступала в первую очередь в смысле автотерапевтического — как помощь самому себе. Будущая «настоящая интеллигенция» Успенского (люди, движимые высокими идеями, «несущие свет» независимо от своего социального и образовательного статуса) должна была начинать преобразование мира с самой себя. Успенский открыто апеллировал к христианским образам, переосмысливая их в секулярном ключе. Эти идеи активно усваивались народническими публицистами конца XIX в. При этом уже тогда мысль Успенского о «настоящей интеллигенции» осмысливалась в направлении новой социальной активности, но уже значительно более широкой — общенародной, а не «общественной».

#### НОВОЕ ИСКУССТВО: ОТКАЗ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Однако конструирование нового мира изнутри самого себя могло происходить совершенно разными путями. В частности, это могло быть собирание своей целостности или независимости по отношению ко внешней среде. В народнической среде было реанимировано представление о демиургической силе искусства. В 1882 г. была опубликована «Исповедь» гр. Л. Н. Толстого (затем цензура изъяла произведение, и оно стало распространяться нелегально). Сформулированное в «Исповеди» утилитарное отношение к литературе и искусству вызвало оживленную полемику, затеянную летом 1884 г. киевской газетой «Заря». В ней активно участвовали народники И. И. Ясинский и Н. М. Минский (Виленкин). В статье «Старинный спор» Минский отстаивал художественные достоинства прежней прозы Толстого перед недавно сформулированными самим писателем инвективами. Ничего новаторского этот пафос в себе пока не заключал, если не считать того, что исходил он от

публициста-народника (Минц, 2004: 150–161). Таким образом, выходило, что Толстой и Минский в своих взглядах практически менялись местами.

Однако уже в 1885 г. настроения Минского, по всей видимости, эволюционировали еще сильнее. Интерес к мистической теме получил свое выражение в стихотворении «Мой демон» (Бялый, 1972: 36–41). Демоническая тема была навевана знакомым Минского — поэтом и прозаиком К. К. Случевским, который в 1881 г. опубликовал поэтический цикл «Мекфистофель», а в 1883 г. — поэму «Элоа». Случевский развивал старую манихейскую идею самодостаточности и взаимопроникновения добра и зла (Слободнюк, 1998: 49–73). Минский пошел дальше и заговорил об этическом дуализме:

С тех пор, как мудрый Змий из праха показался,  
Чтоб демоном взлететь к надзвездной вышине, —  
Доньше никому он в мире не являлся  
Столь мощным, страшным, злым, как мне...  
Мой демон страшен тем, что пламенной печати  
Злорадства и вражды не выжжено на нем,  
Что небу он не шлет угроз и проклятий  
И не глумится над добром.  
Мой демон страшен тем, что, правду отрицая,  
Он высшей правды ждет страстней, чем серафим.  
Мой демон страшен тем, что, душу искушая,  
Уму он кажется святым.  
Приветна речь его и кроток взор лучистый,  
Его хулы звучат печалью неземной.  
Когда-ж его прогнать хочу молитвой чистой.  
Он вместе молится со мной... (Минский, 1888: 45)

Этический дуализм, обеспеченный соответствующим эстетством, позволял преодолеть надсоновскую тоску и использовать зло в творческих целях. В том же году Минский выступил против стихотворного пафоса С. Я. Надсона, ранее вполне им разделявшегося. Это было воспринято как отречение от народничества (Бялый, 1972: 46). Интересно отметить, что эта новая тенденция возникла еще до появления «Манифеста символизма» Ж. Мореаса (1886 г.). Тем не менее новая, реабилитирующая мистику эстетика Минского («мэонизм») оказала влияние на молодого поэта-народника Д. С. Мережковского (там же: 41–49) и, по сути, положила начало Серебряному веку.

Одним из киевских приятелей Минского оказался М. А. Врубель. Тема лермонтовского «Демона» появилась у него летом 1885 г., по-видимому, под влиянием стихотворения Минского (Домитеева, 2014: 168–170). Через год, показывая отцу наброски «Демона сидящего», Врубель говорил:

Демон — это дух, соединяющий в себе мужской и женский облик. Дух, не столько злобный, сколько страдающий и скорбный, но при всем том дух властный... величавый.

Отец заключал: «Миша предан своему Демону... всем своим существом» (Врубель, 1963: 140). Знакомый Врубеля Н. А. Прахов вспоминал слова художника о том, кого он решил изобразить:

«Демона» не понимают — путают с чертом и дьяволом, тогда как черт по-гречески значит просто «рогатый», дьявол — «клеветник», а «Демон» значит «душа» и олицетворяет собой вечную борьбу мятущегося человеческого духа, ищущего примирения обуревающих его страстей, познания жизни и не находящего ответа на свои сомнения ни на земле, ни на небе (там же: 304).

#### НОВЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД КАЖДЫМ

Новая утилитаристская проповедь Толстого смыкалась с народническим мировоззрением. Сформировавшийся в Петербургском университете в 1881 г. студенческий «Ольденбургский кружок» (С. Ф. и Ф. Ф. Ольденбурги, В. И. Вернадский, А. А. Корнилов, кн. Д. И. Шаховской) активно гектографировал запрещенную цензурой толстовскую «Исповедь». На базе кружка в 1886 г. родилось «Приютинское братство», которое вдохновлялось как толстовскими, так и народническими взглядами, но не разделяло, соответственно, революционных методов общественного переустройства. Шаховской попытался сформулировать программу братства в своей записке «Что нам делать и как нам жить?». Князь призывал к мирному труду — как физическому, так и умственному. Влияние Успенского было вполне ощутимо. Князь писал:

Всякий человек прежде всего должен стараться сам жить свято, и, разумеется, если святую жизнь понимать правильно, этой своей святой жизнью он и принесет больше всего пользы. А для святой жизни совсем необходимо *трудиться* (курсив авт. — Ф. Г.) (Шаховской, 2002: 216).

Главным злом объявлялись рационализм и индивидуализм, почерпнутые интеллигенцией на Западе. При этом Шаховской не отказывался от заботы о народе. Предполагалось избавить себя и всю Россию от этих пороков. Шаховской заключал:

Простой народ не всегда сознает, что хорошо. Но до сих пор еще жизнь его построена на началах, противоположных началам рационализма и индивидуализма. Но с каждым днем к нему эти два начала все больше проникают, и если не найдутся люди, которые сознательно и словом, и делом укажут ему истину — он погибнет (Шаховской, 2002: 219–220).

Отмечая необходимость развития народного образования, Шаховской в частном письме настаивал: «Нет, не Надсона надо дарить... Не удаляться и плакать надо, а идти к людям и работать» (там же: 228).

Однако осенью 1885 г. Шаховской по приглашению Ф. И. Родичева приехал для земской службы в г. Весьегонск Тверской губернии, и там началась его идейная эволюция, которая поначалу вызывала недоумение его друзей: новые представления казались им слишком политизированными (там же: 237–238). Уже в октябре 1887 г. Шаховской писал Ф. Ф. Ольденбургу, что над человеческими обязанностями доминируют порождающие их политические права. Отсюда возникала «важная человеческая обязанность добиваться для себя и других политических прав» (там же: 210). Вскоре князь-земец сформулировал концепцию либерального социализма, попытавшись совместить свои прежние взгляды с требованиями права и законности. Отзываясь о платформе «Вестника Европы» и Родичева, Шаховской признавался И. М. и М. С. Гревсам:

Либерализм касается правовых отношений, и нет либеральной религии, философии, нравственности. И потому либерализм оставляет меня свободным во всем этом и не стесняет моей нравственности — поэтому все мои нравственные стремления вполне сохраняются, но только осложняются определенными стремлениями и к известным правовым отношениям. [...] Таким образом, либеральную программу я принимаю вполне, но она моих социальных, нравственных и религиозных взглядов не определяет и, следовательно, не изменяет (там же: 240–241).

В 1890 г. политическая программа Шаховского имела уже вполне четкий, законченный вид. Он отмечал:

По-моему, деньги являются такими же средствами порабощения, как прямое насилие над личностью, политический абсолютизм и капитализм в промышленности (там же: 292).

При этом Шаховской пришел к тому, что развитие личности необходимо для общественного прогресса, следовательно, «истинный либерализм и истинный социализм не противоречат, а дополняют друг друга»

(Шаховской, 2002: 298). Именно это положение ляжет в основу кадетской партийной программы. Многие члены кадетской партии вышли из народнической среды (Селезнев, 2006: 18–22, 62–63).

Таким образом, ставшее уже традиционным народническое стремление к социальному равенству стало сочетаться в 1880-е гг. с борьбой за личные права как отправной точкой освобождения. Помощь каждого всем трансформировалась в помощь всех каждому. На основе так понятой «теории малых дел» стал складываться социальный либерализм кадетского типа, у истоков которого на рубеже веков стояли многие активисты народничества.

#### НОВЫЙ СОЦИАЛИЗМ: ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД КЛАССОМ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕД ГОСУДАРСТВОМ

Более классические (и теснее связанные с синхронными западными тенденциями) формы прогрессизма предполагали отказ от персональной ответственности в пользу класса или государства как неизбежно побеждающих в истории сил. Эволюция эмигрировавшего в Швейцарию народника-чернопередельца Г. В. Плеханова в сторону марксизма происходила в 1881–1882 гг. (марксистом сам себя он назвал в 1882 г.). Идею Г. И. Успенского о «настоящей интеллигенции» Плеханов позднее (1888 г.) разоблачил как утопическую (Плеханов, 1925а: 44–45). Кроме того, новоиспеченный марксист ссылался на письмо И. С. Аксакова, критиковавшего отношение народников к крестьянству. По мысли Аксакова, народники не поняли главного: восхищаясь общиной, они отбрасывали то, что лежало в ее основе, — религиозность (К биографии..., 1886: 572–573). Сам же Плеханов приходил к выводу, что сочинения Успенского в конечном счете вели всех его почитателей к уваровской триаде (Плеханов, 1925а: 40). Позднее появится плехановская идея буржуазии и пролетариата как нового европеизированного народа России — в отличие от старого, сплоченного вокруг самодержавия (Плеханов, 1925b: 93–99, 130–131).

В 1882 г. в Швейцарию прибыл и старый товарищ Плеханова — член Исполнительного комитета «Народной воли» Л. А. Тихомиров, с которым предполагалось наладить сотрудничество. Нежелание Тихомирова переходить на марксистские рельсы привело к их расхождению и созданию плехановской группы «Освобождение труда» (1883) (Тютюкин, 1997: 66, 74–82). В 1884 г. Тихомиров открыл публицистическую борьбу против плехановского кружка, по-народнически отрицая неизбежность победы в России капитализма. Однако уже в 1885–1886 гг. он пришел



к выводу о бессмысленности любой революционной активности в России и необходимости перехода к культурной работе. Сохраняя прежние взгляды на будущее России (он всегда выступал против федерализма, за прочную государственную власть как главную гарантию единства страны, а также союз власти, интеллигенции и народа), Тихомиров настаивал на необходимости отказа интеллигенции от революционной утопии в пользу практической деятельности. В первую очередь речь шла о развитии образования, в том числе своего собственного. Примечательно, что такая интеллигенция, по мысли Тихомирова, могла бы стать в России «правлящей партией». Эти идеи позднее найдут свое отражение в знаменитой брошюре «Почему я перестал быть революционером» (1888) (Пыхарев, 2020: 173–175, 180–190, 192, 200–202). Брошюра завершалась весьма красноречивым пассажем:

Источник власти законодательной и исполнительной — по русским законам — есть Государь страны. В странах республиканских этим источником являются избиратели. В обоих случаях политическое действие, из какого бы источника ни исходило, проявляется не иначе как посредством известных учреждений. Эти учреждения в России представляют не менее способов к деятельности, чем в другой стране. У нас есть Государственный совет, Сенат, министерства с разными добавочными органами и целым рядом постоянно существующих комиссий. Не говорю уже об общественной деятельности неофициального характера, как, например, публицистика, работа при посредстве разных ученых обществ и т. п. Партия законного прогресса представляется очень широкое поле действия. Пусть ее люди служат, работают, пусть они имеют всегда годовую систему, приспособленную к нуждам положения, практическая которой может быть доказана Государю. В минуту, когда Император решит призвать ко власти прогрессивную партию (что он непременно будет делать от времени до времени, раз только убедится, что эта партия искренно признает его верховные права), партия прогресса должна быть готова оправдать призыв и сделать по устройению России действительно все, что можно (Тихомиров, 1895: 83–85).

Личная идейная эволюция Тихомирова и развитие представления Плеханова о перспективах народников развивались параллельно и независимо друг от друга — несмотря на тесное знакомство обоих. Тем замечательнее выглядит этот процесс. Кроме того, стоит отметить отсутствие влияния на Тихомирова и со стороны И. И. Каблица, в 1886 г. пришедшего к выводу о стремлении интеллигенции к власти во имя собственных амбиций. Как и Тихомиров, Каблиц в конечном счете посчитал и положение монархической власти, и ее связи с народом

достаточно прочными; причем оба факта были вполне взаимосвязаны (Каблиц [Юзов], 1886: 39–41, 51–66).

Как бы то ни было, а интерес к марксизму или к монархии был связан с кризисом народнической идеологии и идеи героической личности. Однако выразителем классовых или государственных интересов становилась передовая политическая партия. Вместо дискредитированной личной этической позиции должна была появиться новая классовая или государственная мораль.

Таким образом, переоценка ценностей, происходившая в народнических кругах в 1882–1887 гг., привела к разносторонним и резонансным последствиям, сказавшимся в начале XX в. как на политической, так и на культурной сфере. Развивавшиеся на фоне мощной и постоянно убыстрявшейся социально-экономической трансформации России интеллектуальные тенденции имели общую направленность: они создавали новый мир и, соответственно, новые представления об ответственности. Безусловно, сами эти представления принципиально различались: сведением их к собственной персоне (отсюда и сохранение персональной ответственности, и идейный имморализм) или растворением в идее движущих сил. Однако так или иначе воля к власти давала о себе знать. Очень часто разговор об ответственности перед историей, обществом или собой закрывал способность ответить собеседнику. В новом веке это проявилось воочию.

#### ЛИТЕРАТУРА

- Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. — М. : Наука, 1995.
- Бялый Г. А.* Вступительная статья // Поэты 1880–1890-х годов / под ред. Г. А. Бялого. — Л. : Советский писатель, 1972. — С. 5–64.
- Врубель М. А.* Переписка. Воспоминания о художнике. — Л., М. : Искусство, 1963.
- Гайда Ф. А.* «Русская интеллигенция» : рождение понятия // *Философия* : Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — Т. 4, № 2. — С. 229–248.
- Домитеева В. М.* Врубель. — М. : Молодая гвардия, 2014.
- Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. — М. : Уникум-Центр, 1997.
- Златовратский Н. Н.* Основные тезисы народничества // Поэты 1880–1890-х годов / под ред. Г. А. Бялого. — Л. : Советский писатель, 1972. — С. 119–126.
- К биографии И. С. Аксакова // *Исторический вестник*. — 1886. — Т. 25. — С. 569–575.

- Каблиц И. И. [Юзов И.]* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. — СПб. : Типография Н. А. Лебедева, 1886.
- Минский Н. М.* Стихотворения. — СПб. : Типография В. С. Балашева, 1888.
- Минц З. Г.* Статья Н. Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма // Блок и русский символизм : избранные труды. В 3 т. Т. 3. Поэтика русского символизма. — СПб. : Искусство, 2004. — С. 150—161.
- Михайловский Н. К.* Глеб Успенский как писатель и человек // Литературная критика : статьи о русской литературе XIX — начала XX века. — М. : Художественная литература, 1989. — С. 289—401.
- Мокшин Г. Н.* Русское легальное народничество 60–90-х годов XIX века. Очерки истории и историографии. — Воронеж : Истоки, 2005.
- Плеханов Г. В.* Гл. II. Успенский // Сочинения. Т. 10 / под ред. Д. Рязанова. — М. : Государственное издательство, 1925а. — С. 9—65.
- Плеханов Г. В.* История русской общественной мысли (книга первая) // Сочинения. Т. 20 / под ред. Д. Рязанова. — М. : Государственное издательство, 1925б. — С. 3—363.
- Пыхарев Ф. Г.* Эмигрантский период в жизни и творчестве Льва Тихомирова : перелом или эволюция народника? // Русский Сборник : исследования по истории России. Т. 29 / под ред. О. Р. Айрапетова. — М. : Модест Колеров, 2020. — С. 147—296.
- Селезнев Ф. А.* Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.) — Нижний Новгород : Издательство Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2006.
- Слободяк С. Л.* «Идущие путями зла» : (Древний гностицизм и русская литература 1880–1930 гг.) — СПб. : Алетейя, 1998.
- Тихомиров Л. А.* Почему я перестал быть революционером. — М. : Типография Вильде, 1895.
- Тютюкин С. В.* Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997.
- Успенский Г. И.* Бог грехам терпит // Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. 5. — М. : Издательство АН СССР, 1956а. — С. 297—405.
- Успенский Г. И.* Власть земли // Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. 5. — М. : Издательство АН СССР, 1956б. — С. 97—202.
- Успенский Г. И.* Из разговоров с приятелями (На тему о «власти земли») // Полное собрание сочинений. В 14 т. Т. 5. — М. : Издательство АН СССР, 1956с. — С. 203—260.
- Шаховской Д. И.* Избранные статьи и письма. 1881–1895. — М. : Прометей, 2002.
- Юзов, И. [Каблиц, И. И.]* Социологические очерки. Основы народничества. — СПб. : Типография А. М. Котомина и К., 1882.

---

Gayda, F. A. 2023. "Bremya otvet-stvennosti [Burden of Responsibility]: al'ternativy ideynoy transformatsii narodnichestva v 1880-ye gg. [Alternatives to the Ideological Transformation of Populism in the 1880s]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (3), 36–49.

---

FYODOR GAYDA

DOCTOR OF LETTERS IN HISTORY

ASSOCIATE PROFESSOR

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA);

LEADING RESEARCHER

ST. TIKHON ORTHODOX UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-9586-8010

## BURDEN OF RESPONSIBILITY

### ALTERNATIVES TO THE IDEOLOGICAL TRANSFORMATION OF POPULISM IN THE 1880S

Submitted: Feb. 26, 2023. Reviewed: July 30, 2023. Accepted: Aug. 07, 2023.

**Abstract:** The article deals with the question of the directions of the ideological transformation of populism during its acute crisis in the 1880s. The author proceeds from the fact that the Narodniks realized the hypertrophied nature of their attitude towards the idea of personal responsibility. Breaking the impasse required radical conclusions. The study is based on journalism and correspondence of populists. The author came to the conclusion that reflection caused a number of diverse consequences. G. I. Uspensky completely revised the basic populist idea of the relationship between the people and an educated society. The new concept of "real intelligentsia", formulated within the framework of the theory of "small deeds", transferred the object of responsibility from the people to itself. In the future, the ground was created for broad nationwide social activity. The fundamental rejection of personal responsibility (N. M. Minsky) created the ideological conditions for the development of new art during the Silver Age. In the political sphere, it became possible to synthesize the socialist principle of justice and the liberal principle of personal rights (D. I. Shakhovskiy). The formation of the ideology of the Cadet Party (constitutionalism, social liberalism) began. The object of responsibility instead of the people could be not only the individual, but also the class (perceived as the best part of the people) or the state (as an expression of the unity of the people). The author of the article comes to the conclusion that in this way the evolution of such Narodniks as G. V. Plekhanov and L. A. Tikhomirov took place. According to the researcher, during the reassessment of populist values in the 1880s. a number of significant phenomena of the cultural and political life of Russia in the early twentieth century were born.

**Keywords:** Populism, G. I. Uspensky, N. M. Minsky, Priyutinskoe Brotherhood, D. I. Shakhovskoy, G. V. Plekhanov, L. A. Tikhomirov.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-3-36-49.

#### REFERENCES

- Baluyev, B. P. 1995. *Liberal'noye narodnichestvo na rubezhe XIX–XX vekov [Liberal Populism at the Turn of the Nineteenth and Twentieth Centuries]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Byalyy, G. A., ed. 1972a. *Poety 1880–1890-kh godov [Poets of the 1880s–1890s]* [in Russian]. Leningrad: Sovet-skiy pisatel'.

- . 1972b. “Vstupitel'naya stat'ya [Introductory Article]” [in Russian]. In *Poety 1880–1890-kh godov [Poets of the 1880s–1890s]*, ed. by G. A. Byaluy, 5–64. Leningrad: Sovet-skiy pisatel'.
- Domiteyeva, V. M. 2014. *Vrubel' [Vrubel]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Molodaya gvardiya.
- Gayda, F. A. 2020. “‘Russkaya intelligentsiya’ [‘Russian Intelligentsia’]: rozhdeniye ponyatiya [The Birth of the Concept]” [in Russian]. *Filosofiya [Philosophy]: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Journal of the Higher School of Economics]* 4 (2): 229–248.
- “K biografii I. S. Aksakova [To the Biography of I. S. Aksakov].” 1886 [in Russian]. *Istoricheskiy vestnik [Historical Bulletin]* 25:569–575.
- Kablits I. I. [Yuzov I.] 1886. *Intelligentsiya i narod v obshchestvennoy zhizni Rossii [Intelligentsia and the People in the Public Life of Russia]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya N. A. Lebedeva.
- Mikhaylovskiy, N. K. 1989. “Gleb Uspenskiy kak pisatel' i chelovek [Gleb Uspensky as a Writer and a Person]” [in Russian]. In *Literaturnaya kritika [Literary Criticism]: stat'i o russkoy literature XIX – nachala XX veka [Articles on Russian Literature of the 19th – Early 20th Century]*, 289–401. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Minskiy, N. M. 1888. *Stikhotvoreniya [Poems]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya V. S. Balasheva.
- Mints, Z. G. 2004. “Stat'ya N. Minskogo ‘Starinnyy spor’ i yeye mesto v stanovlenii russkogo simvolizma [N. Minsky's Article ‘Ancient Dispute’ and Its Place in the Development of Russian Symbolism]” [in Russian]. In *Poetika russkogo simvolizma [The Poetics of Russian Symbolism]*, vol. 3 of *Blok i russkiy simvolizm [Blok and Russian Symbolism]: izbrannyye trudy [Selected Works]*, 150–161. 3 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Iskustvo.
- Mokshin, G. N. 2005. *Russkoye legal'noye narodnichestvo 60–90-kh godov XIX veka. Ocherki istorii i istoriografii [Russian Legal Populism in the 60–90s of the Nineteenth Century. Essays on History and Historiography]* [in Russian]. Voronezh: Istoki.
- Plekhanov, G. V. 1925a. “Gl. I. Uspenskiy [Gleb Uspensky]” [in Russian]. In *Sochineniya [Works]*, ed. by D. Ryazanov, 10:9–65. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.
- . 1925b. “Istoriya russkoy obshchestvennoy mysli (kniga pervaya) [History of Russian Social Thought (Book One)]” [in Russian]. In *Sochineniya [Works]*, ed. by D. Ryazanov, 20:3–363. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo.
- Pykharev, F. G. 2020. “Emigrant'skiy period v zhizni i tvorchestve L'va Tikhomirova [The Emigrant Period in the Life and Work of Lev Tikhomirov]: perelom ili evolyutsiya narodnika? [Turning Point or Evolution of the Populist?]” [in Russian]. In *Russkiy Sbornik [Russian Collection]: issledovaniya po istorii Rossii [Studies in the History of Russia]*, ed. by O. R. Ayrapetov, 29:147–296. Moskva [Moscow]: Modest Kolerov.
- Seleznev, F. A. 2006. *Konstitutsionnyye demokrati i burzhuaziya (1905–1917 gg.) [Constitutional Democrats and the Bourgeoisie (1905–1917)]* [in Russian]. Nizhniy Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo.
- Shakhovskoy, D. I. 2002. *Izbrannyye stat'i i pis'ma. 1881–1895 [Selected Articles and Letters. 1881–1895]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Prometey.
- Slobodnyuk, S. L. 1998. “*Idushchiye putyami zla*” [“Walking the Ways of Evil”]: (Drevniy gnostitsizm i russkaya literatura 1880–1930 gg.) [(Ancient Gnosticism and Russian Literature 1880–1930)] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- Tikhomirov, L. A. 1895. *Pochemu ya perestal byt' revolyutsionerom [Why I Stopped Being a Revolutionary]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Tipografiya Vil'de.

- Tyutyukin, S. V. 1997. *G. V. Plekhanov. Sud'ba russkogo marksista [Georgi Plekhanov. The Fate of the Russian Marxist]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP·EN).
- Uspenskiy, G. I. 1956a. [in Russian]. Vol. 5 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*. 14 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- . 1956b. "Bog grekham terpit [God Tolerates Sins]" [in Russian]. In *Uspenskiy 1956a*, 297–405.
- . 1956c. "Iz razgovorov s priyatel'nyami (Na temu o 'vlasti zemli') [From Conversations with Friends (On the Topic of 'The Power of the Earth'])" [in Russian]. In *Uspenskiy 1956a*, 203–260.
- . 1956d. "Vlast' zemli [The Power of the Earth]" [in Russian]. In *Uspenskiy 1956a*, 97–202.
- Vrubel', M. A. 1963. *Perepiska. Vospominaniya o khudozhnike [Correspondence. Memories of an Artist]* [in Russian]. Leningrad and Moskva [Moscow]: Iskusstvo.
- Yuzov, I. [Kablits, I. I.] 1882. *Sotsiologicheskiye ocherki. Osnovy narodnichestva [Sociological essays. Fundamentals of Narodniks]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya A. M. Kotomina i K.
- Zlatovrat'skiy, N. N. 1972. "Osnovnyye teziy narodnichestva [The Main Theses of Populism]" [in Russian]. In *Poety 1880–1890-kh godov [Poets of the 1880s–1890s]*, ed. by G. A. Byalyy, 119–126. Leningrad: Sovet'skiy pisatel'.
- Zverev, V. V. 1997. *Reformatorskoye narodnichestvo i problema modernizatsii Rossii. Ot sorokovykh k devyanostym godam XIX v. [Reformist Populism and the Problem of Russia's Modernization. From the Forties to the Nineties of the Nineteenth Century]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Unikum-Tsentr.